

Гениальные любовники

Françoise Sagan
Je ne renie rien

**— ФРАНСУАЗА САГАН —
НЕ ОТРЕКАЮСЬ...**

МОСКВА
2019

УДК 821.133.1-94
ББК 84(4Фра)-44
С13

Françoise Sagan
JE NE RENIE RIEN

Copyright © Editions Stock, 2014

Перевод с французского *Нины Хотинской*
Художественное оформление *Марии Коняевой*

Саган, Франсуаза.
С13 Не отрекаюсь... / Франсуаза Саган ; [пер. с фр.
Н. Хотинской]. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-098683-5

Великая Франсуаза никогда не изменяла себе, никогда не жалела о том, что сделала, и никогда не зависела от чужого мнения. А как складывались ее любовные отношения? Никто об этом не расскажет честнее, чем сама Саган.

УДК 821.133.1-94
ББК 84(4Фра)-44

© Хотинская Н., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-098683-5 ООО «Издательство «Эксмо», 2019

В начале 1954 года восемнадцатилетняя девушка мадемуазель Куаре, взявшая псевдоним Франсуаза Саган, приносит в издательство «Жюльяр» рукопись короткого романа: «Здравствуй, грусть». Книга выходит в мае, одновременно со многими другими и без всякой рекламы. Год спустя тираж превосходит миллион экземпляров, книга переведена на двадцать пять языков, а Франсуаза Саган становится знаменитой во всем мире. Знаменитой, но, быть может, не слишком хорошо известной. Через несколько лет в опросе о современных знаменитостях большинство респондентов ответит: «Франсуаза Саган? Ах да, кинозвезда».

Да ну? Я и забыла.

Да. Дело в том, что вокруг вас сразу же сложилась легенда: деньги, виски, ночные клубы, спортивные машины... Все это действительно

подходит скорее звезде, чем писателю. Вы написали книгу – и вдруг стали звездой. Каково это в двадцать лет?

Я носила мою легенду как вуалетку... Эта маска, чудесная, хоть и чуточку примитивная, отвечала моим очевидным пристрастиям: скорость, море, полночь – все, что ярко, все, что черно, все, что ведет к потере себя и тем самым позволяет себя найти. Ибо никто не переубедит меня, что, только борясь с крайностями в себе самом, со своими противоречиями, своими страстями и пристрастиями, своими выплесками, можно хоть чуть-чуть, да, именно так, совсем чуть-чуть понять, что такое жизнь. Во всяком случае моя.

Любопытно, как совместить это пристрастие к празднику, к излишествам, о которых вы говорите, с внешней скромностью? В газетах много писали о неизменном маленьком черном платье и нитке жемчуга, которые долго оставались вашей униформой.

Праздник – это дело тайное, святое и святотатственное. Празднуют не в перьях в ночном клубе, празднуют в темноте с кем-то вместе. Что же до черного платья, это в прошлом. Теперь я люблю наряжаться, да и жемчуг свой давно потеряла.

Ни для кого не секрет, что в вашей жизни была целая эпоха, когда алкоголь стал для вас почти постоянным спутником. Что вы в нем находили?

Алкоголь всегда был для меня добрым другом. И тем, что делят с ближним, как хлеб и соль. Скажу еще, что пила я не ради забвения жизни, но ради ее ускорения. А когда слишком ускоряешься, рискуешь не вписаться в поворот (усталость, нервы и все такое). Так что, бросив пить, я заскучала, но и только. Как бы то ни было, могу и снова начать.

Итак, в 1954-м?

В 1954-м мне были предложены на выбор две роли: скандальной писательницы или буржуазной девицы, тогда как я не была ни той, ни другой.

Кем же вы были?

Я была скорее скандальной девицей и буржуазной писательницей. Единственным выходом для меня было делать то, чего мне хотелось... зайти еще дальше. Я всегда любила крайности, могла далеко зайти... И я всегда любила то, что делала. Я никогда не делала

того, чего делать не любила; в общем-то, мне всегда везло, что не приходилось делать того, чего не хотелось.

Но все же и не везло порой, когда этого было не избежать?

Да, есть вещи, которые я предпочла бы избежать, — автомобильной аварии, конечно же, в первую очередь, ну, и еще кое-чего, что я делала по глупости, по молодости или зачаштую свойственной молодости жестокости... Но мне в жизни не случалось оказаться в ситуации, когда приходится делать что-то действительно неприятное; я динамила мальчиков, как это делают все девочки, но никогда не делала никаких подлостей, ничего такого, за что мне было бы стыдно. Я думаю, что лучше обмануться в человеке, чем ему не доверять; это и есть, я уверена, единственное нравственное правило: всегда быть, насколько это возможно, предельно добрым и предельно открытым; и тогда ничего не страшно.

Если бы у вас была дочь, вы дали бы ей именно этот совет?

На какой-то телепередаче меня спросили, если бы у меня была дочь, хотела бы я, чтобы она повторила мой жизненный опыт или что-

то в этом роде... Я думаю, будь у меня дочь, мне бы хотелось, чтобы в восемнадцать лет она встретила мужчину, в которого влюбилась бы, как и он в нее, и чтобы они умерли вместе, дожив до восьмидесяти лет, рука в руке. Можно ли представить себе что-нибудь более романтическое? Но беда в том, что жизнь, как правило, так неромантична, что это бывает очень редко... Чаще всего жизнь совсем не такая, какой должна быть. Люди ломаются, или что-то ломается в них. Не знаю, возраст ли тому виной, усталость, характер или образ жизни. Бывают периоды, когда такие вещи накапливаются и вы, сами не зная почему, воспринимаете это как обиду.

А в вашей жизни часто так бывает?

Мне случается думать, что жизнь — это злая шутка. Если вы мало-мальски чувствительны, то постоянно живете словно с содранной кожей. Не считая того, что просто нервничаете, раздражаетесь по любому поводу. Телевизор, дурацкая статья, замечание полицейского или консьержки — и готово дело, в вас что-то мечется, зверек какой-то, и ему страшно. Белка в колесе. Тогда вы позволяете себе выпить, словно завернуться в вату, в кокон. Как принимают лекарство, чтобы утихла боль. Постоянно что-то нужно: вот в чем ужас.

И ничем нельзя помочь?

Думаю, что лучшее противоядие из всех возможных — это юмор. Взять хотя бы настроения «нового романа». Однажды, забавы ради, я начала писать «современную» пьесу вместе с Жаном Шеврье. На сцене — всего два персонажа. Дельфина Сейриг и Мишель Буке... Оба серые. Одеты в серое. Серый занавес поднимается, открывая серую комнату. Он: «Я ухожу от тебя». Длиннющая пауза. Она: «Ты уходишь от меня?» Он: «Да, я ухожу от тебя». Она: «У тебя нет билета, чтобы уйти от меня, у тебя нет билета на автобус». Он: «Это верно, у меня нет билета, чтобы уйти от тебя; без билета я не смогу сесть в автобус. У меня никогда и никуда не было билета». И так далее. Это называлось: «Разрыв». Недостаток юмора — это душевный изъян. Не люблю я этого. И еще не люблю людей, принимающих себя всерьез. Меня это просто из себя выводит, и я всегда вспоминаю полицейского, который остановил меня в туннеле Сен-Клу. Он мне говорит, да с такой злостью: «Шикарно вы смотрите в вашем кабриолете». Я просто озверела: «А вы... вы! Вы шикарно смотрите в вашем кепи!» «Что? Что вы сказали? Повторите! Так, сейчас вы повторите это при моем коллеге». Подходит

коллега. Я послушно повторяю. Оскорбление при исполнении. Суд. Этот суд я выиграла. Вердикт был: нельзя судить человека, сказавшего полицейскому, что он шикарно смотрится...

Это обнадеживает.

Вкус к шутке утрачивается. Большое дело — позитив.

А вы позитивны?

Такова моя натура, мне всегда хочется верить, что все будет хорошо. Когда я пересматриваю какой-нибудь фильм о Жанне д'Арк, всегда говорю себе — глупо, знаю, — что она спасется... это невозможно. С Ромео и Джульеттой — та же история. Каждый раз я думаю, что послание дойдет, что все уладится. Когда слушаю «Травиату», с музыкой накатывает надежда, я, безумная, надеюсь, что Арман вернется вовремя... Только так и можно воспринимать жизнь. Как комическую оперу, уже не раз сыгранную, конец которой известен. Отчаянно надеюсь — нет, конечно, не на то, что выживешь, или что у тебя есть шанс выкарабкаться, или что ты имеешь право делать, что хочется. Но тут на помощь приходит

воображение. Потому что воображение — это начало понимания. Немного воображения — и вы понимаете, почему негодяй с соседней улицы убил свою маленькую дочку кочергой. Вы не приемлете этого, но понимаете. Немного воображения — и вы можете поставить себя на место другого человека и подумать: «Как-то странно он выглядел нынче вечером, не позвонить ли ему?»

А если воображения нет и вы не позвоните?

Может статься, что именно в этот вечер он собирался принять целый пузырек снотворного и ваш звонок его остановит. А может быть и так, что он пребывает в превосходном настроении и ваш звонок ему только помешает. Тогда вы будете смешны. Но мне плевать, пусть я буду смешной. Мне давно уже не четырнадцать лет. Воображение превыше уважения к человеку. Воображение — величайшая добродетель, потому что в нем задействовано все: голова, сердце, умственные способности. И добродетель эта становится редкостью. Особенно крайняя его форма — бескорыстие. Веселое и безумное бескорыстие.

...Как быстро летит время. Вот, например, «Здравствуй, грусть» – с тех пор прошло уже двадцать лет. Эти двадцать лет – что они для вас?

Досадная мелочь. Я их не ощущаю, но, может быть, я не права. Я не думаю, что прошло двадцать лет. Иногда кажется, что прошло десять, а иногда – что сорок.

А предшествующие восемнадцать лет? Давайте поговорим о юной особе, которая уже звалась Франсуазой и уже была богата, но еще не стала ни знаменитостью, ни Саган...

Я родилась 21 июня 1935 года между Кагором и Фижаком, в департаменте Лот, в Кажаре. Моя бабушка настаивала, чтобы все члены семьи появлялись на свет в одной и той же кровати. Моя мать, мой брат, моя сестра, я сама – все мы родились в одной кровати, в одной комнате.

Каково происхождение ваших родителей?

Со стороны матери это люди, ничего никогда в жизни не делавшие. Они не были богаты, но владели мельницами, фермами и т. п. Мелкие провинциальные помещики, жившие на доходы от своих земель. Довольно скуд-

но жившие, потому что Лот — очень бедный край. Мой дед всегда носил белый альпаговый костюм и имел телегу с лошадьё, но в жизни не взял в руки лопату или вилы. Это было out of question¹.

Со стороны отца — промышленники с севера Франции, владевшие заводами, которые разрушала каждая война.

Вы провели первые годы жизни в Кажаре?

Нет. Я родилась там в 1935-м, но между 1935-м и 1939-м уже успела поездить. Мои родители давно жили в Париже, в квартире на бульваре Мальзерб, в ней они живут и сейчас. Мы все время жили в Париже, а месяц в году проводили у бабушки. Ну, то есть дети. А родители в это время отправлялись кайфовать в Довиль на гоночной машине. Мой отец, тоже промышленник, работал на крупную компанию, какой-то трест. Он зарабатывал тогда много денег. Когда я родилась, моя мать была моложе меня нынешней. Они оба любили праздник, отдавали предпочтение «Бугатти». Разъезжали по дорогам на большой скорости.

---

¹ Не может быть и речи (англ.).

Вот оно что!

Ох! Да...

Но попробуем все же поговорить о вас.

Говорить о себе трудно, порой присочиняешь... себя ведь помнишь плохо. Детство, например, это сложившаяся в голове картинка. Детство, которое я помню, — дом в деревне, в Веркоре, в войну. Это было время партизан, фермы горели. Мы жили в Лионе, у отца был завод в Дофине; я была слабенькая, и жили мы большей частью в деревне. Девочкой я была робкой, заикалась, пугалась любого пустяка, а перед учителем цепенела от ужаса; впоследствии это обернулось полной несовместимостью с коллежем.

У вас остались четкие воспоминания?

Из моего детства в Дофине мне помнятся божественные вечера на террасе, парк... пруд, трава.

А из вашего детства в Париже? Какое, к примеру, ваше первое воспоминание?

Я помню коридор. Коридор длиной минимум двадцать два метра в квартире моих родителей. Странная такая квартира, в духе